

У калмыков, кочующих в пределах Астраханской губернии, есть праздники всеми торжественно отправляемые, известные каждому простолюдину, есть праздники, которые отправляются исключительно только калмыцким духовенством, о которых простой народ едва ли имеет какое-либо понятие, а большинство не знает даже и времени совершения оных. К первым можно отнести праздники: Зула, Цаган-Сара, Урюс-Сара и Майдарин-Гегян. Эти четыре праздника почти соответствуют четырем временам года: зиме, весне, лету и осени, а ко вторым Усу-таяху и Галл-таяху.

Праздник Зула, по переводу значит «лампада», только калмыцкая, вроде плошки, отправляется 25 ноября, [Буддизм, получивший начало свое во времена гомерические, почитает своим законодателем Шакджи-Муни – он же и Бурхан-Бакша – «Бог-учитель», от которого в Монголии ведут свое летоисчисление, говорит преосв. Нил. По вычислению их ныне, т.е. в 1879 году, считается 2916 год. Почему новый год у калмыков начинается 25 ноября выяснить было невозможно. Были ли это число днем рождения Шакджи-Муни, который, происходя из царственного рода Сиддарты, имел отцом своим Саддадани, а мать – Махамая? Или же в это число Шакджи-Муни явился великим учителем, Шакджи-Муни и его отец в разных перерождениях получили различные имена, как повествуется о том в монгольских легендах.] считая дни от рождения светила. В этот день калмыки празднуют день нового года и начало зимы. Вечером накануне 25 ноября, из хурула выносят большой стол, покрытый бумажной материей, и ставят его на открытом месте в нескольких шагах от хурула. Набожные богомольцы приносят чашечки из крутого пшеничного теста, вроде наших глубоких плошек, наполненные топленным коровьим маслом. Фитиль (гол) утверждается по середине плошечки. При этом соблюдается следующее правило: каждый отец семейства должен принести столько плошечек, сколько душ в его семействе. За себя, жену, детей и других домочадцев. К этому присовокупляют следующее поверье: фитиль должен иметь такое число ниточек, сколько лет от роду тому лицу, за которое приносится зула. Например, если отцу семейства 40 лет от роду, то фитиль зулы должен состоять из 40 бумажных ниток. Жене его 30 – и святилина из 30, сыну 10 лет – и святилина в его зуле из 10 ниточек и т.д. Плошечки приносят к хурулу, ставят их на стол и не зажигают до времени. Между тем в хуруле гелюंगाми совершается моление, состоящее из чтения, пения и духовной музыки, по окончании которого, бакша, возложив на головы почетных гелюнгов некоторые из отливных изображений бурханов и часть номов (священных книг), выносят их из хурула при громогласном пении всего духовенства и звуков духовной музыки и начинают обходить ближайšie хурульные кибитки или же всю кюрю, это зависит от распоряжений начальника хурула. Народ преклоняется перед бурханами и номами и каждый зажигает свои зулы – плошечки и снова начинает молиться. Если зажженная зула не погаснет, масло хорошо будет гореть во время духовной процессии, значит то лицо, за которого принесена лампадка, благополучно проживет наступающий новый год, если же зула преждевременно погаснет, то лицо, за которого она принесена или будет несчастливо, или же умрет в наступающем году! Когда духовная процессия возвратится в бурхыни-оргэ и гелюнги, окончив богослужение, разойдутся по своим кибиткам, тогда

народ начинает входить в хурульную кибитку, поклоняться бурханам, получать аршан и расходиться по домам, оставляя зулы на распоряжение духовенства, которое по истечении известного срока гасит те из них, в которых было налито много масла. В этот вечер в хурулах бывает торжественная иллюминация, потому что зулы устраиваются не только за каждое лицо, живущее в хуруле (а их в каждом хуруле можно насчитать несколько раз более штатного положения), но даже и за многих отсутствующих лиц, которые просят гелюнгов устроить за них зулы, то можно себе представить, какая в этот вечер бывает иллюминация!.. Хурулы бывают залиты огнем!

Богатые скотоводы, далеко кочующие от хурулов, в этот же вечер устраивают подобные иллюминации и в своих хотонах, соблюдая то же правило относительно ниточек в фитиле. На хараачину – деревянный круг сверху кибитки, служащий дымовым отверстием, ставят несколько зажженных плошек, которые горят до совершенного истощения масла. Между тем хозяин кибитки prepares кирпичный чай, варит баранину, угощает собравшихся к нему однокотонцев калмыцкою водкою (арка – из молока) и русскою, употребляя при всем вместо наших рюмок или стаканов небольшие точенные деревянные чашки, из которых обыкновенно пьют калмыцкий чай. Причем весьма часто произносится привет: саин одюртэ, ользэтэ болтугай – «деревянные дуги над хараачиною» - и держат до тех пор, пока сгорит все масло. Иные же по примеру богачей ставят одну, две или три зажженных зулы на хараачину, а сами внутри кибитки варят чай и вообще посильно угощают знакомых.

По окончании чаепития и угощений начинаются калмыцкие национальные пляски. Под отрывистые звуки балалайки (домбур-цоко) пляшущая пара делает различные телодвижения, то поднимают вверх правую руку и опускают левую, то поднимают левую и опускают правую, делают ими разные кривляния, смотря по умению и экстазу пляшущих, причем ногами выделывают калмыцкие национальные па под звуки музыки. Молодежь, обоюго пола, собравшаяся в кибитку, обыкновенно старшего лица в хотоне, веселится далеко за полночь. Во время пляски зрители нередко делают возгласы: харис! – браво! По степному обычаю все лица, находящиеся в той кибитке, где проходят танцы, принимают участие в плясках. Это право пляшущая пара, обыкновенно, передает через легкое прикосновение рукою к плечу зрителя, тихонько произнося: биилэ – «пляши». И принявший это приглашение уже не вправе отказаться, а должен вставать и под звуки балалайки выделывать па.

У здешних калмыков летоисчисление ведется не так, как у образованных народов, от известной знаменитой эпохи. Они считают года известными периодами, слагающимися из 60 лет. В счет идут по ряду имена тех животных, которыми называются месяцы с приложением к каждому слова сара – месяц. А в названиях месяцев соблюдается порядок: 1) Декабрь – барс – «барс», 2) Январь – туула – «заяц», 3) Февраль – луу –

«дракон», 4) Март – мого – «змея», 5) Апрель – морин – «лошадь», 6) Май – Хонин – «овца», 7) Июнь – мечин – «обезьяна», 8) Июль – така – «курица», 9) август – ноха – «собака», 10) Сентябрь – гаха – «свинья», 11) Октябрь – хулгуна – «мышь», 12) Ноябрь – укюр – «корова». [По счету зурахчейских книг, о которых весьма многие из гелюнгов не имеют понятия, неделя состоит из семи дней. Нарын-гарык, а в просторечии одюр – соответствует нашему воскресенью; сара-гарык – понедельник; мингмер-гарык – вторник; улюмджи-гарык – среда; пюрбэ-гарык – четверг; басанг-газык – пятница; бембэ-гарык – суббота. Из дней недели калмыки особенно уважают четверг.] При этом порядке к именам месяцев прибавляются слова: «железо – темур, вода – усун, дерево – модун, огонь – галл, земля – шоро, а в просторечии – газыр». Прибавления этих пяти слов бывает два года сряду к разным наименованиям животных. Например, один год называется темур-барс – «железный барс», а второй, следующий за ним – темур-туула – «железный заяц». Или один год называют усун-луу – «водяной дракон», а следующий за ним будет наименоваться усун-мого – «водяная змея».

Если у калмыков родится сын за несколько дней до зулы, то ему считается уже год, если же через несколько дней после зулы, то родившемуся считают уже два года. В будущую зулу ему будет считаться уже три года и т.д. Лета калмыки считают не со дня рождения, а со времени его зачатия.

По словам гелюнгов, возжигание зулы на новый год означает жертву солнцу, которое, по их учению, состоит из огня и стекла. Чтобы приветливо смотрело на землю и согревало ее во время зимы, чтобы не было сильных морозов или глубоких снегов, которые бы закрывали подножный корм, так как скотоводы-калмыки сена на зиму вовсе не запасают, исключая некоторых калмыков Малодербетовского и Икицохуровского усулов, которые делают небольшие запасы сена и то на случай шуурганов, «метелей». В праздник зулу гелюнги молят духов – тенгриев (а их 33), которые охраняют солнце и живут там в хрустальных дворцах, чтобы они щедрее изливали на землю теплоту, так как с 25 ноября и до праздника Цаган-Сара калмыки не перекочевывают с одного места на другое.

Праздник Цаган-Сара (белый месяц) начинается в первый день рождения февральского светила и продолжается семь дней. Впрочем, богатые празднуют его до шести недель, а бедные два или три дня. Этот праздник, особенно чтимый кочевниками, почти всегда бывает в те числа, когда у нас – Сырная неделя. Редко случается, что он или несколькими днями упреждает ее, или же падает на первые дни великого поста. Вследствие чего между простыми калмыками, которые имеют близкие и частые сношения с русскими, образовалась оригинальная, по своему выражению, поговорка: «Ваша Масленица и наш Цаган-Сара ровно родной брат!»

Цаган-Сара можно называть первым весенним праздником, в который калмыки выходят из состояния оцепенения. Всю зиму кочевники сидят на одном месте, что при зимних морозах и шуурганах (метелях) им до крайности не нравится. Кибитки наполняются сором, стада имеют тощие подножные корма. Но с Цагана начинаются перекочевки, доставляющие калмыкам особое удовольствие. В продолжение весны, лета и осени, начиная с Цагана до ноября, калмыцкие хотоны на одних местах держаться не более двух недель, всегда располагаясь вблизи худуков – это копани, из коих некоторые походят на колодези, но большинство из них представляют большую глубокую яму, в которую набирается подпочвенная вода. Такими худуками испещрены все калмыцкие степи. Когда в окрестностях худуков потравят скотом весь подножный корм, тогда кочевники переходят на другое место. Каждая перекочевка составляет местный народный праздник. Надобно видеть оживленную работу, происходящую при разборке кибиток, навьючивании оных на верблюдов, а также увязку сундуков, котлов и других хозяйственных принадлежностей – с каким видимым удовольствием все это совершается?! Детей калмыки помещают в числе вьюков на тех же верблюдов, их сажают в особо устроенные мешки или коробки, внутри обложенные кошмами или овчинами, из которых виднеются только одни головки малюток. Старики и старухи помещаются также на самом верху вьюков, для них на горбах верблюдов из кошм устраивают что-то вроде птичьего гнезда для большей безопасности сидения. Мужчины, женщины, юноши и взрослые девицы в лучших нарядных костюмах верхами на лучших скакунах гарцуют около каравана, спорят между собою в быстроте бега коней и ловкости сидеть и управлять лошадью. По сторонам на всем пространстве, какое может обнять взор, тянутся стада под надзором особых пастухов, кавалькады охотников с гончими собаками (шурук-ноха), отделяясь от общего каравана, разъезжают и преследуют зайцев, лисиц, сайгаков и других зверей, каких случится встретить на пути. Поэтому для калмыков перекочевка составляет необыкновенное наслаждение, повторяемое несколько раз в году. Они-то и разнообразят монотонную, скучную жизнь скотоводов. Вот почему кочевники так весело встречают праздник Цаган-Сара!

С другой стороны, праздник Цаган-Сара всегда бывает в начале февраля, а февраль – месяц, по калмыцкому календарю (литэ), называется луу-сара (месяц дракона). По учению ламаитов (переосв. Нила о буддизме, с. 65), Луусун-хан, «царь драконов», обладающий способностью 73 превращений, всю зиму проводит в бездействии, покоится в глубине океана, питаясь превосходнейшими плодами громаднейшего дерева, именуемого Замбу, ветви которого, далеко простираясь над поверхностью океана, роняют плоды свои в воду и тем доставляют пищу Луусун-хану. С праздника же Цаган-Сара этот благодетельный дух (тенгри) выходит из бездны океана и, посредством драгоценной трубы, из рек морей поднимает к облакам воду, образует тучи и ниспосылает на землю дождь, оживляющий бедную степную растительность. Однажды же это дело бывает часто не без особенных затруднений. Враг всякого добра Ассири – «кровожадный дух» - не желая видеть людей в радости, довольстве и изобилии, не может равнодушно видеть, чтобы земля была орошаема дождями. А потому, едва

завидит на небе приготовления к дождю, Ассури начинает бить в свой чудовищный барабан (кэнгэркэ) и тем замедляет действие подъема воды, а иногда и все стихии приводит в беспорядок. Тогда ассирины торжествуют, земля же стонет от засухи.

Гром и молния происходят от разных причин. Когда гром отзывается отдаленным глухим эхом, то следует заключать, что Луу занят своим делом и собирает дождь. Когда сверкает зарница, это верный знак, что Луу находится в добром расположении духа и тешится, вращая своим хвостом. Но громы, молнии и дожди сокрушительные допускаются, по временам, от раздраженного Будду, действующего в этом случае через ужасных арбын-докшинов. Вот почему у калмыков и существует закон, по которому человек, убитый громом, признается отверженным и не заслуживающим погребения! Но чаще всего такие явления находятся в связи с войною, которые ведут ассирины с благодетельным Луусун-ханом, который, разъезжая верхом на каком-то рогатом чудовище, бросает на землю громовые стрелы, которые и называются луугин-сумин – «стрелы духа Лу», употребляя рога чудовища вместо лука (нумун). Когда он погоняет чудовище, преследуя ассириев, то оно, открывая пасть, испускает пламя – это молния – цакалган, а когда натягивает тетиву, то чудовище от сильной боли производит ужасный рев – это гром – тенгрин дун – «голос духа». При сильных раскатах грома калмыки, опасаясь, чтобы Ассури не скрылся в жилищах кочевников, имеют обыкновение в хурулах – играть на раковине, издающей пронзительный звук, а в хотонах заставляют юношей или взрослых девиц несколько раз кричать: хологар, хологар!.. («далее, далее!»), давая тем знать раздраженному тенгрию, что ассиринов в их кибитках не имеется, что они пронеслись далее. Это сражение ассиринов с добрым тенгрием и дало калмыкам основание в разговоре употреблять следующую клятву: тенгир-цокитугай – «да поразит меня гром!»

Сверх того, с праздником Цаган-Сара соединяются и религиозные воспоминания, о которых мне приходилось слышать разнообразные повествования.

Одни рассказывали, что праздник Цаган-Сара установлен в память того, что когда-то в давнопрошедшие (кэзенэ санджи билэ) незапамятные времена люди жили очень счастливо под управлением какого-то царя, супруга которого сделалась беременною. Вдруг является прорицатель (Шинджи-леэчи) и всенародно объявляет, что царица родит сына, но такого кровожадного, что он истребит весь род человеческий. Такое предсказание поразило людей, они растерялись и не знали что делать?!... Видя глубокою скорбь рода человеческого, Окун-тенгри («дева-дух») сжалилась над ними и явилась на избавление людей от угрожавшего им несчастья. В самый момент рождения царского сына она похищает младенца и, по рассказам одних, сама умерщвляет его, а по словам других, бросает его в земную пропасть и тем избавляет род человеческий от гибели!

Другие рассказывали совершенно иное обстоятельство, впрочем более согласное с самим богослужением на празднике Цаган-Сара. По словам их, это было так: (Для полноты рассказа считаю нужным сделать отступление и позаимствовать несколько слов из сочинения преосв. Нила, с. 25) Когда Абида-бурхан произвел тенгринеров, благословил их размножение. Все тенгринеры были невинны и блаженны, из тела своего испускали свет, имели крылья и не требовали грубой пищи, жили по 80 тысяч лет, все были хубилганы, т.е. возраждались вновь через переселение душ. Размножение тенгринеров возможно было потому, что, по учению буддизма, тенгрии есть обоего пола и размножаются не через плотский coitus, а от одной взаимной улыбки, нежного взгляда или через обоняние [Надобно заметить, что у калмыков не принято лобызание, оно заменяется обонянием. Нежная мать, лаская своего ребенка, никогда не целует, а только нюхает его!]. Когда, таким образом, увеличилось число тенгриев, тогда Йэрлик-хан, которого прежде имя было – Номун-хан, («царь закона», относящегося до вероучения), подчинив множество других тенгриев, присвоил себе владычество в странах горного мира и произвел различные беспорядки. Для прекращения своеволий тенгриев нужно было употребить силу. И вот Мандзошир, рожденный из света правого глаза Абиды, сделавшись хубилганом, под именем Ямандаги, вступает с ними в открытую брань и поражает их. С того времени низверженный из горных стран Номун-хан стал называться Йэрлик-хан (царь чертей), получив в удел царство тьмы.

Лишенный власти в горном мире, свергнутый в преисподнюю, Йэрлик-хан завидовал счастьем людей (а в то время был золотой век), которые не знали никаких болезней, не испытывали никаких бедствий, жили в богатстве и изобилии. Относя все это к благотворному действию лучей солнца, он решился отнять у органического мира это светило. А поскольку солнце охраняют 33 тенгрия, то нужно было отнять его у них, объявив им войну. Война объявлена, сражение состоялось и победа осталась на стороне Йэрлик-хана. А потому солнце, доставлявшее людям здравие и всей земле изобилие, поступило в его распоряжение как военная добыча. Первым делом представителя тьмы было то, что он проглотил благодетельное светило. Вследствие чего род человеческий, лишенный света и теплоты солнечной, подвергнулся разного рода болезням и преждевременной смерти. Та же участь постигла и животных, которые не имея подножного корма, во множестве издыхали, стада кочевников заметно уменьшались. Сострадая к участи живых существ, Окун-тенгри (дева-дух), по рангу своему принадлежала к высшему разряду тенгриев, которые обладали и силою большею других, принимает на себя метаморфозу самую ужасную и отвратительную и потом поступает на службу к Йэрлик-хану. Под этой метаморфозой и Йэрлик-хан не мог узнать в ней сильнейшего тенгрия высшей сферы. Скорбя о жалкой участи живых существ, она начала просить Йэрлик-хана возратить земле проглоченное им светило. Но представитель тьмы отвечал ей, я взял его с боя и возвращу его только тогда, когда какой-нибудь тенгри победит меня. Выслушав такое предложение, Окун-тенгри вызывает Йэрлик-хана на поединок, который им был принят. И вот на рассвете (ор-цайба) произошло единоборство Окун-тенгри (а ее изображают всадником) с

Йэрлик-ханом. Она ловким и сильным ударом копья поразила своего противника, сделавший громадное отверстие в его брюшной полости! Таким образом светило, сокрытое во чреве сатаны, освободилось и по-прежнему начало светить и согревать землю. Это произвело неописанный восторг между людьми и животными! Земля начала в изобилии производить различные плоды и травы! Вот почему, говорил рассказчик, и принято у нас обыкновение при встрече на празднике Цаган произносить слова: Мендэ (здравствуй)! На каковой привет и лицо, к которому относится это поздравление, как бы в подтверждение восторга и радости, отвечает тем же словам: Мендэ (здравствуй)! Здесь разумеется благополучие людей, животных и растений! Вот почему, прибавил рассказчик, на Цаган калмыки и меняются мускатным орехом (зятя), завернутым в кусок белой бумаги в знак того, что с этого праздника и плоды земли начали произрастать в изобилии как для людей, так и животных!

После такого поражения злого духа бывают случаи, когда Йэрлик-хан в бессильной злобе иногда пытается закрыть солнце (нарын-хаху), но не может этого сделать потому, что желудок его разорван. Поэтому-то у калмыков и принято за правило: во время затмения солнца стучать, кричать, стрелять их ружей, призывая Окун-тенгри, и тем пугать Йэрлик-хана, который поэтому вскоре и освобождает его. Старожилы говорили, что во время затмения солнца более всех должны кричать девицы, так как Окун-тенгри была дева. Точно так же объясняют и затмение луны.

Между тем, в сочинении покойного преосвященного Нила о буддизме (с. 61), затмения солнца и луны объясняются с некоторыми изменениями, хотя в общем и имеют некоторое сходство с настоящим.

«Солнце, по учению буддистов, пишет преосвященный Нил (на основании монгольского сочинения Чихула Керэглэччи), состоит из огненного хрусталя. В поперечнике имеет пятьдесят одну милю, в окружности сто пятьдесят три, а в толщину шесть миль. [Миля (бэр) заключает в себе 800 сажень.] Движение его зависит от воздуха, которым оно будучи гонимо, обтекает в сутки четыре больших тиб. [Это четыре большие части света - огромные материки.] Луна огненных элементов не содержит, состоит же из водянистого хрусталя. Толщиною она равняется солнцу, а в поперечнике меньше его лишь на одну милю. Во всех других отношениях луна чуть ли не превосходит солнце, изобилуя чистейшими водами и дивными растениями.

У скипетродержца Очирвани сберегалась некогда живая вода. Узнавши о такой драгоценности, злой дух Арахола стал искать удобного случая, чтобы воспользоваться ею. И это ему удалось. В отсутствии Очирвани он прокрался в его жилище и, выпивши

воду до капли, наполнил сосуд смертоносною жидкостью. (Подобное сказание есть и у здешних калмыков, но о нем будет упомянуто в статье о празднике Майдарин-Гегян).

Затем, чтобы избежать заслуженного наказания, демон устремился в отдаленные миры. И где ни пролетал, грозил вечною враждою небесным светилам, еже они не сумеют быть молчаливыми и как-нибудь укажут его таинственный путь гневному Очирвани.

Солнце и луна пренебрегли угрозами злого духа, высказали всю правду. Тогда Арахола был настигнут и понес строгое наказание. Очирвани рассек ему чрево своим жезлом, но не мог умертвить его как приобретшего через живую воду свойство бессмертия. С тех пор Арахола мстит солнцу и луне за их измену. И конечно, им не сиять бы на тверди небесной, если бы, благодаря Очиравни, уродство демона не содействовало к избавлению. Ибо, хотя при случае, он и может проглотить то или другое светило, но имея разорванное чрево, никак не в состоянии удержать проглоченное».

На праздник Цаган-Сара калмыцкое духовенство во множестве собирается из малых хурулов в большой, принося с собою инструменты своей духовной музыки, которая оттого в составе своем значительно увеличивается. Под праздник Цаган богослужение начинается с вечера и продолжается всю ночь. Услыхав призывные звуки бишкюров, все собравшееся духовенство идет к дверям главной кибитки бурхыни-оргэ и, совершив входную молитву, как сказано было выше, входит в хурул, Гед после очередного подергивания кюрду, занимает свои места. Моление состоит из чтения, пения и духовной музыки с обычными антрактами и угощениями духовенства, совершающего богослужение. При ночном, а иногда и дневном богослужении, играющие на духовных инструментах, встречают немалое затруднение. От сильных морозов внутри металлических труб и бишкюров образуется лед, от которого инструменты не издают никаких звуков. Для устранения чего в течение ночи, а иногда и днем, раза два или три оттаивают духовные инструменты, приготовив огонь в кибитке, разбитой ближе других к бурхыни-оргэ.

К числу особенностей этого торжества можно отнести то, что калмыцкое духовенство к Цагану prepares: а) две фигуры, похожи на большие вазы для цветов, с двумя ручками и отлогими вверху краями (бумбы), не имеющие в середине пустоты. Они делаются из крутого пшеничного теста и запекаются на огне; и б) из того же теста в особых формах готовят одну большую и несколько меньших фигур, похожих на несколько сплюснутую голову сахара с тупою вершиною. Последние фигуры покрываются составом кофейного цвета и в них виднеются белые пятна, вроде вставленных зерен очищенного миндаля. Все эти фигуры занимают место на

жертвенном столе перед отливными бурханами. В интервалах между ними стоит несколько металлических, из серебра, райских цветов, именуемых бадма (lotus). Штамп каждого лотуса имеет несколько разветвлений, увенчанных цветками отчетливой работы. Бурханы и все принесенное в жертву освещается несколькими зулами и сальными свечами, вставленными в самые обыкновенные медные или жестяные подсвечники. Сальные же свечи, зажженные в простых деревянных фонарях (закопченных и испачканных), ставят на стол, поставленный между двумя рядами гелюнгов, где обыкновенно полагают инструменты духовной музыки и номы (священ. книги). Картина Окун-Тенгри (зурук-шютээн) занимает ближайшее место к отливным бурханам, расставленным в глубине жертвенного стола. Перед бакшею ставят большое металлическое блюдо, вроде глубокой тарелки, наполненное зернами пшеницы, перемешанное с незначительным количеством фруктов, из которого в известные моменты молитв, читаемых гелюнгами, бакша берет несколько зерен пшеницы и бросает их вверх на все четыре стороны. В антрактах чтений свободные гелюнги, а иногда и гецюли, зажигают кюджи – род длинной курительной свечи, кофейного цвета, которая походит на нетолстый деревянный прутик. Им в продолжение ночи неоднократно окуривают отливные изображения и священные картины, а также и холстовую связку то нома, который намереваются взять для чтения. Такое же каждение совершается и тогда, когда прочитанный и завязанный ном относят на этажерку, стоящую в хурульной кибитке. Запах кюджи приятен, много походит на запах хорошего курительного порошка, который продают в магазинах.

Когда время всенощного богослужения близится к рассвету, часов около 5 утра, в хуруле начинаются сборы для совершения особой духовной процессии. Приносят тонкую крашеную палку, вроде уины, к вершине которой привязывают картину (зурук-шютээн) Окун-Тенгри, что и дает ей вид нашей хоругви. Этим делом занимаются три гелюнга, гецюли же в это время приносят большой квадратный стол, ножки которого имеют высоту не более аршина и ставят его под открытым небом шагов на полтора или на двести от бурхыни-оргэ на юго-восток. Стол покрывают материей, затем из хурула с жертвенного стола берут и выносят несколько металлических чашечек с сарачинским пшеном, фруктами, пряниками, конфетами и т.п. и ставят оные на приготовленный стол. Вместе с ними захватывают и две фигуры из крутого теста, похожие на голову сахара, и ставят их на восточную сторону стола. Для освещения вновь устроенного жертвенника выносят два простых деревянных со стеклами фонаря с зажженными в оных сальными свечами и ставят один из них на северную, а другой на южную сторону стола. Что при ночной темноте дает весьма слабый свет. В это же время из хурула выносят ширдыки и расстилают их в две линии от нового жертвенника по направлению к дверям хурульной кибитки для восседания духовенства. Когда все бывает готово, при свете нескольких фонарей из хурула начинается торжественное шествие, во главе процессии несут картину Окун-Тенгри, привязанную к вершине древка. Один из более почетных гелюнгов держит древко обеими руками, а двое идут с ним рядом, один по правую, а другой по левую сторону его. За ним идут музыканты с духовными инструментами. В это время музыка играет довольно весело, что-то весьма похожее на мотивы русских плясовых песен. За музыкою по два, а иногда по три в ряд идет духовенство. Когда вся процессия

подойдет к вновь устроенному столу, то три гелюнга, несший и сопровождающие изображение Оун-Тенгри, становятся на восточную сторону стола, музыканты же и все прочее духовенство в две линии располагаются на приготовленных ширдыках на северо-запад, по направлению к бурхыни-оргэ. Здесь моление продолжается не более получаса, по окончании которого музыканты и все духовенство поднимаются со своих мест и, предводимые картиною Оун-Тенгри, в том же порядке под веселые звуки музыки идут обратно в хурул. Между тем манджики проворно убирают ширдыки, гецюли берут все, что было расставлено на столе под открытым небом, и относят в хурул на прежнее их место. Лишь только вся процессия войдет бурхыни-оргэ, гелюнги снимают с древка картину Оун-Тенгри и вешают ее на сове место, совершив краткую молитву. Этот обряд, по рассказу одной почетной особы, совершается в воспоминание победы, одержанной Оун-тенгри над злым духом перед рассветом. Она, разорвав чрево сатаны, дала возможность солнцу, этому благодетельному светилу, снова явиться на горизонт!

По окончании моления в хуруле начинается особого рода церемония, совершаемое духовенством. Прежде всех бакша подходит к жертвенному столу и у одной из ваз (бумба), сделанных из крутого теста, отламывает кусочек и кушает, его примеру следуют гелюнги, гецюли и все манджики, участвовавшие в богослужении. После вкушения священной бумбы духовенство, не выходя из хурула, начинает взаимно приветствовать друг друга словами мендэ (здравствуй!), прикладывая простертые ладони своей руки (сокрытые в руках тулупа) к локтю лица приветствуемого, которое, охватив обеими руками до локтя руки приветствователя, отвечает тем же словом: «Мендэ!» После чего взаимно меняются зятями [Зятя – это, вероятно, орех с лаврового дерева, потому что лавровый лист калмыки называют зятян-хамтасун – «лист мушкатного ореха». Зяти служат приправою к варенному кирпичному чаю, в который мелко крошатся. Если же у калмыка зяти не имеется, то вместо него в варенный чай кладут мелкий немецкий перец (хара-буруш). Количество его зависит от вкуса потребителя.] (мушкатными орехами), если же кто не запасся этими продуктами, то – конфетами. Затем все духовенство расходится по своим кибиткам. При этом не лишне заметить, что для братской трапезы духовенству за несколько дней до праздника Цаган убивают много баранов и рогатого скота так, чтобы мяса (махан) достало на 15 дней. Потому что, будто бы по уставу буддийскому, в первые 15 дней праздника воспрещено убивать животных. Способ, которым калмыки убивают животных, своеобразный. Животному, обреченному на заклание, связывают ноги и кладут его на землю, на левый бок, потом разрезают грудную полость и рукою, еще у живого животного, вынимают сердце, отчего смерть бывает моментальная. Затем начинают снимать шкуру и вынимать внутренности. Мясо убитой скотины называют алаксын, а падали – укюксэн. Последнего гелюнги не употребляют.

По уходе гелюнгов простолюдины начинают входить в хурульную кибитку, и так как от оставшихся печеных ваз уже невозможно бывает ничего отломить рукою, то они бесцеремонно хватают их обеими руками и кусают по одному разу, кто сколько может и

потом ставят на жертвенный стол. Когда бумбы уже не могут занимать вертикального положения, их разламывают по кусочку и вкушают. После чего еще в хуруле и между простолюдинами начинаются обычные поздравления и обмен зятями или же конфетами.

Когда простые калмыки разойдутся по своим кибиткам, там начинаются поздравления, только с некоторыми изменениями. Когда почтенный глава семейства входит в кибитку, семейство стоит до тех пор, пока он займет свое место на кровати (а это у калмыков самое почетное место). К нему начинают подходить челены его семейства. Сначала сыновья, если они есть, потом дочери и в заключение жена. Сыновья и дочери, подошедши поздравить отца, становятся на правое колено, прикладывают сложенные ладони своих рук ко лбу и произносят обычное приветствие: Мендэ, сайн одюртэ, ользэтэ болтугай! – «Здравствуй, с праздником, будьте благополучны», причем подставляют отцу правое плечо. Отец, произнося мендэ, рукою касается плеча подошедшего и нюхает голову сына или дочери. Впрочем, некоторые из кочевников, подражая обычаям русских, иногда целуют своих детей. Жена подходит после детей, соблюдая тот же этикет. Если же калмык является поздравить с праздником своего нойона (князя) или аймачного зайсанга (это господина, заведующего десятками, а иногда и сотнями семейств), то он также складывает свои ладони, прилагая их ко лбу, становится на правое колено и, подставив владельцу правое плечо, произносит: Мендэ! Владелец, коснувшись плеча поздравляющего, дает ему руку, к которой поздравляющий прикладывает голову, не снимая шапки, затем обеими руками своего тулупа с почтением обнимает протянутую руку владельца, повторив свой привет: Мендэ! Владелец на привет поздравляющего отвечает: Мендэ! На праздник Цаган подчиненные приносят владельцу зятя, или мелкую серебряную монету, завернув их в белую бумагу, или же бартогу [Бартога – бутыл, сшитая из выделанной конины, шейка у бартоги делается не выше четверти с диаметром в пол вершка, а остальная часть раздута на подобие старинных стеклянных пузырьков с узенькими высокими шейками. В бока бартоги вшиваются разной ширины продолговатые куски кожи как в бока саквояжей, отчего она и может раздуваться. Когда сошьют бартогу, ее размочат и потом туго набивают песком, с которым она и засыхает, отчего бартога делается жесткою, имея сплюснутую круглую форму. Вместимость бартоги бывает различна, в нее можно налить штоф, два или три водки, которая всегда пахнет кожей. При верховой езде по безводным пустыням в бартогах возят и воду, привязывая кожаную бутыл к тарокам седла за пришитые к бартоге ушки.] арки (калмыцкой водки из молока). Принявший подарок, владельцы и лица почетные своим визитаторам раздают конфеты или пряники, которые для этого случая и покупаются целыми ящиками. Упрощенных калмыков при встрече с однохотонцами в кибитке или на пути в праздник Цаган-Сара нет обычая пожимать руку, но младший, ударив правую рукою по локотному сгибу рукава левой руки, протягивает обе руки встретившемуся, произнося Мендэ! Принявший привет тоже протягивает обе руки и, обхватив правую руку встретившегося до локтя, отвечает: Мендэ! После чего меняются или зятями, или конфетами, если они есть, или мелкою монетою, называя это Цагана бэлэк – «подарок праздника Цаган».

Бывают случаи, что в праздник Цаган, богатого скотовода посещают и лица, не принадлежащие к калмыцкому племени, которые имеют на него начальственное влияние. Их Цагана бэлэк сверх зятя состоят из фунта пряников и фунта простых конфет-карамели, завязанных в новый ситцевый платок, который вместе с гостинцем поступает в собственность того лица, которому приносится Цагана бэлэк. Хозяин в свою очередь старается отблагодарить сделавшего ему честь. Он дарит принесшему или кредитные билеты, или лошадку, или корову с телятком, но в большинстве случаев новый мерлушчатый тулуп. Первые три сорта подарков передаются безо всяких церемоний, хозяин при всех дает деньги или пообещается пригнать обещанных животных. Но при передаче последнего соблюдается особая церемония. Хозяин секретно отдает приказание принести известный тулуп, лицо, которому поручено это исполнить, незаметно для гостей уходит из хозяйской кибитки в другую, где хранятся вещи, берет тулуп, указанный хозяином, и тоже почти незаметно для гостей приносит в кибитку, осторожно подходит к сидящему гостю сзади и, несмотря на то, если бы он был и в шубе, вдруг накидывает тулуп на плечи того лица, которому предназначено сделать подарок! Когда хозяин увидит, что тулуп надет на гостя, тотчас протягивает ему руку для взаимного пожатия, произнося: это вам от меня Цагана бэлэк! С этого момента тулуп делается уже собственностью того лица, которое им одето.

Вечерние угощения и забавы калмыков на праздник Цаган бывают те же самые, о которых мы говорили в статье о празднике Зула. Впрочем, в некоторых улусах вместо балалайки (домбур) музыкальным инструментом служит скрипка (хур). На скрипке в большинстве играют (хур-татаху) девушки, редко молодые парни (залуу). Скрипичный строй бывает самый низкий, отчего мотивы калмыцких песен выигрываются довольно глухо, но все-таки отчетливее, нежели на балалайку. В улусе Малодербетовском (а его относительно к другим улусам можно назвать более развитым) у зайсангов и богатых калмыков случалось встреча особый музыкальный инструмент, изобретенный калмыками, который называют ятага. Он делается из четырех продолговатых дощечек длиною аршина два с половиною, а шириною в четверть. Эти доски склеиваются на подобие четырехугольной басовой флейты в органах. На верхней доске отверстий не бывает, они делаются с боков. К оконечностям ятаги приклеены четверти в две откосы того же формата, у которых верхняя доска отпилена длинее нижней. Откосы служат вместо ножек для инструмента. На местах, близких к началу откосов, поперек, утверждены металлические пластинки в полвершка вышины (на подобие ладов на гитаре), через которые проходят медные длинные струны. На склоне одного откоса выбито семь железных шпилек, на которые надеты струны, а на склоне другого – семь железных колков (как у старинных гуслей), на которые накручены металлические струны, все в один тон. Под каждой струной имеется особая узенькая деревянная подставочка с металлической вершинкой, вроде кобылке на скрипке. При настраивании ятаги колки не повертываются, а только передвигаются подставочки в правую сторону, верхние ближе к концу, а средние и нижние – дальше. Так что по окончании строя они предоставляют форму, похожую на расположение согнутого вала с железными колками в старинных гуслях. На ятагу играют преимущественно жены зайсангов, их взрослые дочери или жены богатых калмыков. Пальцы правой руки играющей ударяют по струнам

в настроенной части ятаги, занимающей третью часть инструмента, по струнам же, находящимся вне строя, которые занимают две трети ятаги, ударяют пальцами левой руки, нижние струны производят звуки теноровые, а верхние – теноро-басовые. На ятаге, издающей негромкие звуки, плясовых песен почти не играют, преимущественно же играют такие мотивы, в которых выражается грусть, тоска или своеобразная мелодия степных красавиц, которые под аккомпанемент этой музыки иногда поют особо для сего составленные калмыцкие песни.

Замечателен обычай калмыков, когда они на празднике Цаган дают пирушку своим однородцам. Гости, приглашенные к владельцу кибитки хозяина (а в Малодербетовском улусе у зайсангов есть и дома), обыкновенно протягивают ижимают руку хозяину, жене его, детям, если они есть, и всем собравшимся гостям. Угощение начинается с кирпичного чая, который подают в дамбах (род узких жбанов с металлическими обручиками, на верхней крышке сделано отверстие для наливания в оный чаю и потом для разливания по чашкам гостей), причем предлагают: не угодно ли кому пить и русский чай, как его называют калмыки, потом подают шулюм, баранину и другие яства, приготовленные в другой кибитке. Затем дело переходит к угощению русской водкой. На низенький столик (ширэ) ставят полуведерную бутылку с водкой и несколько больших стаканчиков, вроде большой рюмки. Весь вечер один калмык сидит около этого стола, вроде виночерпия, наливает стаканчики водкой и приглашает гостей. Гости подходят к столу, берут налитые стаканчики без всяких комплиментов опорожняют их и отходят. После выпивки закуска никакой не полагается. Женам зайсангов и богатых калмыков, если они пьют водку, стаканчик ставят на подносе и подносят, если же простой водки не пьют, то их угощают чихирем – «красным виноградным вином», или ратофием. Женщинам, девицам и вообще детям подают пряники, конфеты, орехи и т.п. Мужчинам же этого не полагается. Когда посидят, попьют, повеселятся и надобно расходиться, гости никогда не благодарят ни хозяина, ни хозяйку, а один по одному уходят домой, кому когда заблагорассудится. Хозяин, увидевши опустевшую кибитку, остается очень доволен, заключая из этого обстоятельства, что гости его уподчиваны как следует.

После праздника Цаган большинство калмыков обыкновенно продает свои овчинные и мерлушчатые тулупы даргадыкам, т.е. русским торговцам, которые в каждом улусе – нутке – имеют лавки, помещающиеся в кибитках. Собрание нескольких лавок составляет особый базар. Торгуют большей частью купцы из гг. Царицына и Черного Яра. Цены на тулупы бывают очень невысокие. Овчинный тулуп, сшитый осенью и проношенный одну зиму, но препорядочно запачканный и в избытке наделенный паразитами [Вшей ни калмыки, ни духовенство не убивают, а если они накопились в сорочке, то ее снимают, в рукава продевают унину, оконечности которой двое держат, один из коих прутиком ударяет по рубашке, чтобы ссыпались насекомые. Из тулупов и кошм этих привилегированных насекомых выводят тем, что тулуп или кошму расстилают на горячий песок шерстью вниз и будто бы вши сами уходят в песок?! Калмыки, если

поймают вошь, то осторожно выносят ее вне кибитки и бросают на землю, говоря, что поскольку она родилась из моей плоти, то убивать ее грех (нюуль)!!! Блох же, которых, впрочем, в степях немного, если поймают, убивают], стоит полтора, два рубля. Тулуп из рыжих мерлушек 5 или 6 рублей, из белых, составляющих одежду гелюнгов – 8 или 10 рублей. Из урослых барашков (сэксэргэ) от 4 до 6 рублей и т. д. Такую обыкновенную и дешевую продажу калмыки объясняют тем, что после Цагана будет тепло и тулуп не понадобится. Во время весны же и лета кочевники запасаются свежими овчинами или мерлушками, которые выделывают женщины, употребляя для сего кислое молоко. К будущим холодам из них построят новые тулупы, которые по миновании в них надобности, на лето, тоже поступят в продажу.

В день майского (хоин или хонин-сара) полнолуния бывает праздник Урюс-Сара, или правильнее Урэс-Сар. Урэ значит «потомство, сын, плод». Простой калмык, встречаясь с незнакомым кочевником, если желает спросить его, имеет ли он детей? Обыкновенно говорит так: кюбютэ-бю-та? – собственно: «с детьми ли вы?» Но если встречается зайсанга, нойона – «владельца», то этот же вопрос выражает так: урэтэ-бю-та? – собственно: «с потомством ли вы?». Значит, Урэс-Сар – праздник благополучного приплода животных и полного развития степной растительности. В марте, апреле и начале мая ягнятся овцы, телятся коровы, жеребятся лошади, плодятся верблюды. К маю новый приплод скота уже выходит на пастбище вместе со своими матками, степи покрываются обильною травою. Почему в этот день кочевники празднуют счастливый переход на летние кочевья и размножение их скотоводства. Этот праздник более народный, нежели религиозный.

В праздник Урэс-Сар все хурульные кибитки переносятся на зеленую траву, разбиваются дверями на восток, украшаются зелеными ветвями деревьев, если только они под руками имеются. Все отливные изображения бурханов ставятся под лаври зеленого цвета. Также и кибитки простых калмыков украшаются зеленью из травы, а если близко растут леса, то и зелеными ветвями деревьев. В прежние времена, когда калмыцких улусах были состоятельные владельцы, в их кибитках на праздник Урэс-Сар вблизи большого барана (так в кибитке кочевников называется место на северо-западе от кровати (орондок), где обыкновенно развешиваются священные картины или висит прикрепленный к началу унин деревянный ящик (хайрцык), в котором хранят рукописи, именуемые ном, а в простонаречии бурхан), место же на северо-востоке от кровати называется малый баран, утверждали большую ветвь зеленого дерева как эмблему отрадного благополучного лета. Дерево это в некоторых местах по ветвям обвивали чистой белой овчиной в знак желания, чтобы умножалось улусное скотоводство и народ был благополучен (так как в начале марта каждого года при резких переходах от тепла к холоду кочевники умирают от оспы, которая по-калмыцки называется цэцэк, а в простонародии чичик, по буквальному переводу: «цветок»). Деревцо переплетали разноцветными лентами и тесьмами во изъявление всеобщей радости. Говорят, что это дерево, поставленное в кибитке владельца, оставлялось на своем месте даже и тогда,

когда владельческая ставка перекочевала на другое место.

В праздник Урэс-Сар состоятельные калмыки приносят гелюнагам по несколько фунтов муки, из которой духовенство prepares круглые, кверху несколько заостренные, пресные хлебцы с изображением Очира (скипетра, жезла), имея для сего нарочито устроенные металлические формы. Приготовленные хлебы ставятся в хуруле перед бурханами на жертвенном столе.

Утром, когда раздается звук заунывной раковины, призывающей духовенство к богослужению, оно собирается в хурульную кибитку для того, чтобы молить Бурхан-Бакшу, он же и Шакджи-Муни, о том, чтобы этот мироправитель излил свои милости как на людей, так и на улусное скотоводство. В то время, когда собравшееся духовенство совершает в хуруле молитву, пастухи подгоняют табун лошадей, а иногда и стадо коров. Гелюнги, окончивши хурульную молитву, в полном составе выходят из бурхыни-оргэ в степь, подходят к собранным животным. Один из очередных гелюнгов опрыскивает стадо смесью коровьего молока и масла. По окончании кропления, продолжающегося недолгое время, без пения и без священных одежд гелюнги обходят вокруг кибиток всей кюри и расходятся по своим жилищам. Лошадей и стада пастухи отгоняют в степь на пастбище. В хурулах, кочующих близ рек или ильменей, гелюнги, вышедши из хурульной кибитки, прежде, нежели подойдут к табуну лошадей, пускают на воду хлебы, принесенные в жертву бурханам в виде жертвоприношения воде, чтобы она в течение наступившего лета в избытке напивала землю и стада кочевников, а потом уже идут кропить табуны.

Случается, что в некоторых кибитках богатых калмыков на праздник Урэс-Сар иногда утверждают зеленое дерево, кибитки же разбиваются на зеленой, еще не помятой траве. При этом совершается следующий обряд: один табунщик стоит у дверей вне кибитки и держит таз с жидкостью из масла и молока, а другой – стоит внутри кибитки у порога и через отворенную дверь маленькою чашкою черпает у товарища жидкость и старается плеснуть оную так, чтобы она попала в цагрыки (дуги над хараачиной) верхнего отверстия и орошила бы всю внутренность кибитки, а также и водруженное в ней зеленое дерево. Удачное исполнение этого обряда предвещает хозяину благополучие в наступающем лете, неудача же служит плохим предзнаменованием!..

Праздник Майдари-Гегян – поклонение лику Майдари – бывает в день августовского полнолуния. Его можно назвать осенним праздником. Здесь Майдари чествуется как имеющий быть преемником правления миром после нынешнего мироправителя Шакдж-Муни. По учению буддистов, люди последних времен правления Шакджи-Муни

будт жить по 10 лет, рост их будет не выше аршана, самые лошади будут не больше зайца. Наконец ужасные бедствия истребят почти всех живущих на земле; земля очистится огнем и водою, и вновь настанет век блаженства. Обитатели земли опять получат утраченное ими долголетие, следуя внушениям добродетельнейшего бурхана Майдари, который удивит смертных своими совершенствами, сиянием и красотою. Люди приобретут возможность пользоваться возрастом до восьмидесяти тысяч лет, и, что всего важнее, в этом веке владычествовать на земле будут уже не мужчины, а женщины!

Чтобы несколько уяснить это верование буддистов для читателя, не знакомого с их генеалогиею, а ламайское учение составляет одну из сект буддизма, не лишним считают сделать выписку из сочинения преосвященнейшего Нила о буддизме (с.37), в котором излагается следующий рассказ о буддийской феогонии.

«По сказанию монгольского сочинения Чихула-Кэреглэгчи, - пишет преосвященнейший Нил, - между первыми царями золотого века был особенно замечателен доблестями ума и сердца Загарвадон.[В монгольских сочинениях одни и те же бурханы и их родоначальники носят несколько имен. Это зависит частью оттого, с какого языка составитель легенды заимствует имя: с индийского, тангутского, тибетского или монгольского. Частью оттого, к какому времени их перерождений относится повествуемое событие. Так как в каждом перерождении бурхан получает новое имя. Так Сададани – отец Шакджи-Муни, в монгольских рукописях называется царем Ариун-Оглигэту, «Сид-дарта» и т.п. По рассказу же сочинения Чихула-Кэреглэгчи, Загарвадон является отцом Шакджи-Муни и других мироправителей нашей планеты! Мать Шакджи-Муни на языке здешнего духовенства именуется Дарька.] Под скипетром его мудрого правления все четыре (тиба) страны света благоденствовали. Жены Загарвадона, а их было тысяча три жены, жили в отдельных дворцах. Среди довольства и утех не уклонялись от правил строгой нравственности, особенно дорожили добродетелью гостеприимства. Каждый прохожий, а особенно странствующий брамин, находил под кровом их и помощь и пристанище. Этого требовали от них царь и сам первый служил им примером, внушая, что ни слава и богатство делают человека счастливым, но дела милосердия.

Достойный своего века царь лишен был утешения иметь наследника. Это обстоятельство погружало в мрачную думу все царство и отравляло горестию все веселие и радость жен Загарвадона, который твердо верил, что боги вспомнят о нем и этому испытанию будет положен конец.

И вот однажды в царский дворец заходит бедный странник преклонных лет в образе хувьрыка, исполняющего при хурулах низкие служебные обязанности, это был сам Абида-бурхан, не узнанный ими. Царицы приняли путника радушно, успокоили, накормили и щедро наделили его милосынею. Тогда старик спросил их: не может ли он быть полезен для своих благодетельниц, не желают ли они чего? Тысяча жен в один голос отвечали: «Мы бездетны, горим желанием иметь сына-наследника». Старец спокойно сказал: «Желание ваше исполнится. Через год у каждой из вас будет по сыну, если только вы исполните то, что я прикажу вам сделать». С этим словом старец, плюнув на землю, сказал: «Желающие иметь детей, смешайте вот эту грязь, образовавшуюся от плюновения, с землею и, прибавив к нему масла, сделайте по одной пресной лепешечке и съешьте».

Сколь ни странно было такое предложение старца, но тысяча жен исполнили этот совет с полным доверием, исключая трех жен, не участвовавших в приеме хувьрыка, которые пренебрегли советами странника. Обещание старца исполнилось, через год дом Загарвадона ликовал, торжествуя рождение тысячи сынов!

При общей радости во дворце Загарвадона убитые горем три жены, не исполнившие совета старца, желая исправить свою ошибку, всюду искали безвестного старца, желая исправить свою ошибку, всюду искали безвестного старца, но все поиски были напрасны! Существо это покрыто было непроницаемою тайною!

Убитые горем царицы прибегают к последнему средству. Отложивши всякое высокомерие, обращают свое внимание на то место, где плюнул странник. И когда оно было указано, царицы горячими слезами оросили землю, взявши горсть ее и по данному наставлению приготовили пресные лепешки и съели их с благоговением и страхом. Чувство смирение принесло вожеленные плоды. Через год и остальные три царицы имели по сыну с красотою, достойную богов!

За такое благодеяние Загарвадон возблагодарил Абиду, усугубив свое благоговение к богам, и начал заботиться о воспитании детей. Радость царя возрастала по мере того, как дети приходили в возраст. Ибо от первого до последнего все они были наделены необыкновенными способностями и высокими нравственными качествами. Они пламенели любовью к Богу и ближним и готовы были на всякий доблестный подвиг!

Когда счастливый Загарвадон почувствовал приближение к смерти, призывая детей,

сказал им: «Дети, течение моей жизни завершилось. Но прежде нежели я отойду в царство Сукавадиев (блаженных), я должен исполнить волю отца богов. Не наделяю вас сокровищами, все земное ниже вашего назначения! Вот таинственные, запечатанные золотые урны (алтын-бумба), возьмите по одной и тогда, когда я умру, откройте их. Только смерть дает вам право узнать тайну, в них сокровенную. Тогда прославьте Абиду и идите неуклонно путем, им указанным!»

По смерти Загарвадона дети, отдав последний долг отцу, волнуясь страхом и надеждою, открыли запечатанные золотые урны. И что же оказалось? Каждая урна содержала предопределение Абиды, относящееся к тому лицу, которому она досталась. А в общем содержание судеб выражалась та мысль, что тысяча три сына Загарвадона возводятся на степень богов – мироправителей, что каждый из них должен править определенное число тысячелетий, разграничиваемых седмичным числом мироправлений с свойственным каждому характером, с переизбытком добра или зла. Возвеличенные над родом смертных дети Загарвадона, возблагодаривши Абиду, вступили в череду мироправления.

Первый, воспользовавшийся этой честью, был старший сын Загарвадона Шиги. Во время его правления люди жили по десяткам тысяч лет среди покоя и радости, ничем не возмущаемых. Стихии находились тогда в постоянной гармонии и тем умножали счастье людей. При последних пяти правителях мир начал мало-помалу клониться к упадку, так что при воцарении седьмого, т.е. нынешнего правителя Шакджи-Муни, люди жили не более 100 лет и были игрищем страстей. А когда и этому богу придется оставить правление, по истечении 5000 лет, то век человеческий сократится, как выше сказано, до десяти лет. И люди того времени не будут отличаться от бессловесных животных.

Майдари начнет свое правление преобразованием рода человеческого. Это преобразование будет продолжаться в течение семи богоправлений. Затем мир пойдет к упадку. И это круговращение будет повторяться до последнего из тысячи трех богов – Очирвани, при котором на нашей планете произойдет необыкновенный переворот. [Коснувшись буддийской феогонии и частью кончины мира, не лишним считают сообщить краткие сведения о сотворении мира и его разрушении, по учению буддистов. Сведения о богах, участвовавших в творении мира, заимствую из сочинения Йэртюмчун-Тооли (зеркало мира), а процесс разрушения земли из статьи «Беседы Морского Тенгрия», помещенной в монгольской хрестоматии г. Ковалевского.

Буддисты не называют особым именем творца богов и вселенной. Но в сочинениях своих бога Абида-бурхана называют Всевышним-деэругэдеэду, что ясно показывает, что, по их

понятию, он есть отец богов и творец вселенной.

Вещественным началом мира, по учению буддистов, послужил райский цветок Бадма-Линхова (lotus), из сердцевины которого Абида произвел воздух и воздушные сферы. Утвердив мировые основания всемогущей силою, Абида за благо признал остаться в некотором покое, предоставив устройство вселенной и все заботы о ней другим. В сочинении Мани-Гамбум говорится, что божественный Абида, по своему великому милосердию обращая мысль свою ко благу существ, испустил из правого глаза своего белый свет и таким образом произвел двух богов: мудрого Мандзошири и многомилостивого Ариаболу. И вот первый из них, как премудрый архитектор, повел дело творения нашей планеты в следующем порядке, как изложено в сочинении Йэртюмчун-Тооли.

До сотворения нашей планеты превыше воздушной сферы существовало неизмеримое пространство, пустота (хоосун). В этом неизмеримом пространстве творческою силою с десяти сторон (т.е. с востока, запада, севера, юга, северо-востока, северо-запада, юго-востока, юго-запада, сверху и снизу) подул сильный ветер, который нагнал множество облаков, сплотившихся в громаднейшую тучу. Туча испустила сильнейший дождь, от которого образовалось величайшее бездонное море, носившееся в воздухе и только им поддерживаемое. Море имело форму сердца, почему и вода в нем называлась златосердечною (алтын дзюркэту усун).

Бурхан Мандзошир, как премудрый архитектор, назначенный самим Абидою устроить нашу планету, принимал самое деятельное участие в сотворении мира. Он наполнил воды океана разнородными существами. Из множества живых существ самое замечательное было огромнейшая золотая лягушка (алтын мелекэ, или меклэ). Это чудовищной величины животное было крайне прожорливо, ежедневно истребляло множество живых существ, а обладая необыкновенною быстротою передвижений, лишало возможности преследуемых спастись от него бегством. Тронутый безвыходным положением живых существ, обитавших в морях, бурхан Мандзошир решил приковать Золотую Лягушку к одному месту. Для чего и пронзил ее копьем с длиннейшею рукояткою. Этим действием он не умертвил громаднейшего животного, а только лишил его возможности передвижений с одного места на другое. Поставил в необходимость довольствоваться только теми существами, которые сами к нему подходили. Дротик, копья, которым пронзена была Золотая Лягушка, был выше поверхности морской на восемьдесят тысяч бэр.

Между тем как это совершилось в водах океана, буря бушевала, поверхность вод,

волнуемая сильным ветром, покрылась пеною, наподобие сметаны на молоке, как сказано в рукописи. Пену начало прибывать к дроту, видневшемуся из-под воды. Из нее-то и образовался материк нашей планеты. Дротик прослужил основой для священной горы Сюмэр, имеющей высоты 80 тысяч бэр над поверхностью океана. Гора имеет семь уступов, на которых обитают тенгрии (духи). Ближе к основанию – злые и выше – добрые. На вершине же горы обитают 33 тенгрия, саамы добродетельные под начальством Хурмусты. Выше их, вероятно, в странах небесных, находится царство богов и жилище праведных в области бурхана Абиды.

Из сочинения Йэртюмчун-Тооли видно, что Сюмэр – четвероугольная, состоит из следующих драгоценностей: восточная сторона серебряная, северная – золотая, южная – из лазури, западная – из яхонта. Когда около этой священной горы морская пена отвердела и из нее образовался материк, то на лапах Золотой Лягушки образовалось четыре острова (тиба), при которых есть по два малых. Вследствие чего землетрясение (газырийн-докдолгон) гелюнги объясняют тем, что если Золотая Лягушка пошевелит лапою, то трясется та часть земли, которая на ней утверждена.

Та же самая Золотая Лягушка и в эпоху кончины мира займет видную роль. В статье «Беседы Морского Тенгрия», заимствованной из монгольского сочинения, именуемого «Улигэрун-Далай», «Океан притч», говорится, что в роковое правление Очирвани, когда ужасы нравственного настроения, будут постепенно возрастать, тогда страшные знамения послужат предвестниками близкой кончины мира. Галыб, разрушения, в этой статье описываются следующим образом: на небе явятся два солнца, они иссушат все малые воды, потом прибавится третье солнце, от лучей которого иссякнут все небольшие речки (гол). Вслед за тем взойдет четвертое солнце, оно иссушит все большие реки (мюрэн). Пятое солнце несколько уменьшит и морские воды. Шестое и седьмое солнца окончательно высушат океана. Гора Сюмэр запылает, все от первой Дианы (уступа гора Сюмэр) до нашей земли будет объято пламенем. Земля представит из себя раскаленную печь, горы станут дышать пламенем. Сила этих явлений сделается чувствительною и для Золотой Лягушки – этого знаменитого существа, находящегося под горою Сюмэр. Животное, заметивши оскудение потребной для него влаги, принуждено будет перевернуться. И тогда весь мир пойдет верх дном!! Все эти перевороты не будут ощутительны только для людей благочестивых, которые всегда приносили жертвы богам, подавали обильную пищу (собств. пресные лепешки) духовенству, прчитали отца и мать, раздавали милостыню бедным (гуйлинчи) и были сострадательны ко всем живым существам. Они и во время всемирного переворота останутся невредимыми за их добродетели.]

В праздник Майдарин-Гегян служба совершается в хурульной кибитке и вне оной, под открытым небом. Хурульная служба совершается по общезаведенному порядку, но

богомолье вне хурула имеет свои особенности. На расстоянии 200 или 300 сажен от главной хурульной кибитки, разбитой вне круга гелюнгских кибиток на юго-западе устраиваю огромный щит, который утверждается на двух чигенинах (толстых шестах). Чтобы столбы тверже стояли против ветра, если таковой случится, вершины их привязывают арканами (веревки из шерсти) к кольям, вбитым в землю, наподобие вант на судах. Иногда же, если ветер с востока (а в степях эти ветра господствующие) с западной стороны делают подставки из арбенных оглоблей, называемых арыш. Между двумя столбами на тонкой перекладине утверждается картина бурхана Майдари. Высота ее аршин до шести, а ширина – аршина четыре. На этой картине Майдари изображен в сидячем положении, по калмыцкому обыкновению, в руках его иногда ничего не изображают, правая опущена вниз, а левая лежит на коленях, иногда же в правой он держит чашу аршана, а в левой очир (жезл). Лицо его изображено во вкусе китайском, т.е. выдающиеся скулы, приплюснутый нос, узенькие наискось лежащие глаза, в ушах калмыцкие серьги (сиикэ). Почему с первого взгляда он представляется похожим более на женщину, нежели на мужчину, в сидячем положении. В этой картине особенно интересует наблюдателя то, что бурхан Майдари имеет цвет лица синий. На вопросы мои об этом обстоятельстве гелюнги сообщили, что это служит выражением его особенной любви к счастью и благополучию всех живых существ. Причем передали мне следующий рассказ: некогда, кэзенэ санджи билэ, говорили гелюнги, бурханы Мандзошири, Шакджи-Муни и Майдари, рассуждая о средствах сообщить людям бессмертие, составили животворную воду (аршан), но для более верного действия оной отлучились искать ароматических растений. В отсутствии богов Йэрлик (злой дух), выпив животворную воду, сосуд, вмещающий в себе аршан, наполнил нечистою. (По словам же других, Йэрлик успел это сделать в присутствии самих богов, которые в то время сидели в благоговейном положении, углубившись в созерцание с закрытыми глазами). Возвратившись из поисков, а по другим, очнувшись, бурханы ужаснулись и были поставлены в большое затруднение таким поступком злого духа! Они не знали куда девать эту нечистоту, которою подарил им Йэрлик?!... Если выплеснуть оную на воздух, рассуждали они, то подохнут все птицы, летающие по воздуху, если вылить на землю, то умрет все живущее на земле, если выплеснуть в море, то истребится все, живущее в водах!... При таких видах дела они по великодушию своему порешили выпить эту жидкость, разделив ее между собой поровну. Подвиг этот хотя и не причинил им вреда, как бурханам, однако же у последнего из них, Майдари, которому досталась выпить поддонки, лицо сделалось синим! Вот почему Майдари и рисуют с синим лицом! История эта имеет сходство с историей злого духа, производящего затмение солнца и луны, по рассказу преосвященнейшего Нила.

Между картиною Майдари и землею аршина на два остается пустое место, которое занимает особо устроенный деревянный жертвенник во всю ширину картины с тремя уступами по северной и южной сторонам, к востоку в одну линию расставляются несколько шестов, утвержденных в землю, которые занимают протяжение от двадцати до двадцати пяти сажен. Верхи шестов перевязаны арканами, которые обвиты разноцветными лентами из красного, желтого, синего и белого коленкора. Это же украшение бывает и на некоторых устоях. К арканам привязывают множество чимык –

это разноцветные желтые, красные, белые, синие продолговатые аршина в два или три куски шелковой или бумажной материи шириною четверти в две, оконечности которых бывают и закругленные и вырезанные фестонами. Число их зависит от средств хурула и стечения калмыцкого духовенства, которое на этот праздник собирается в значительном количестве из окрестных хурулов, оно во множестве приносит с собою свои чимыки, ширдыки и инструменты духовной музыки. Восточная сторона остается свободною от заграждений шестами, а потому и чимыков на ней не развешивается. Вся предназначенная для богомолья площадь представляет русскую букву П, западную вершину которой занимает картина Майдари с жертвенным столом. Все это пространство застилается ширдыками и продолговатыми, шитыми из простого черного или синего сукна, постилками, на которых должно будет восседать духовенство во время богослужения. На восточной линии ближе к углу поставлены два небольших столика, покрытые материей, на каждом из них находится по большому металлическому круглому блюду с пшеницей, перемешанной фруктами и мелкой серебряной монетой. Поставлены два небольших металлических кувшина с аршаном. Середина между столиками остается свободной для входа духовной процессии. Сажень в трех от восточной линии на запад поставлен третий невысокий столик с теми же принадлежностями. При всех трех столиках с восточной стороны лежит по одной подушке, покрайтой ситцевой материей для восседания на них духовных особ. Вне четвероугольника на южной стороне ближе к востоку становится несколько невысоких кадушек, наполненных чиганом (кумысом) или вареным кирпичным чаем, покрытым полотном, около их стоят и дамбы с кумысом и чаем. Место, приготовленное для службы, представляет большой продолговатый четвероугольник с южной и северной сторон, украшенный разноцветными развевающимися флагами (чимык).

На праздник Майдарин-Гегян богослужение в хуруле начинается часа в четыре по полудни и продолжается не более полутора часа. По окончании службы начинаются приготовления к особой духовной процессии. Номы, завернутые в холстовые обвязки и уложенные в продолговатые ящики, возлагают на голову избранных гелюнгов, которые без шапок выносят их из хурульной кибитки. Большое отливное изображение Далай-Ламы возлагается тоже на непокрытую голову правителя улуса (а они всегда бывают из зайсангов) или почетного зайсанга. Для предохранения от падения по сторонам два гелюнга поддерживают это божество. Несущий это изображение заметно тяготеет своею ношею, изгибается под нею и, когда доходит до жертвенного стола, бывает весь в поту. Так как вес этого изображения бывает от 30 и до 50 фунтов! Мелкие же отливные изображения других бурханов на непокрытых головах по одиночке несут гелюнги. Оркестр духовной музыки, увеличенный музыкантами, прибывшими из других хурулов, выходит из хурульной кибитки впереди процессии, играя на духовных инструментах. Музыканты скоро отходят в сторону, уступая дорогу духовенству, несущему номы и бурханов. По выходе из хурула гелюнги начинают пение, которое продолжается до тех пор, пока принесут и уставят все вынесенное из бурхыни-оргэ на вновь приготовленный жертвенник. Шествие совершается тихо в сопровождении всего духовенства при звуках музыки. На верхние полки жертвенного стола, укрепленного ниже картины Майдари, ставят отливных богов, в середине их красуется Далай-Лама.

На втором уступе – меньшие изображения, а на последнем – кладут номы. Перед бурханами и номами воскуряют кюджи. По сторонам ставят бумбы с аршаном, украшенные павлиньими перьями. Когда в надлежащем порядке расставят все вынесенное из хурула, духовенство отходит на свои места, становится в четыре или пять линий с южной и северной сторон четвероугольника внутри развешенных чимыков. Лама [Мне случилось видеть это богослужение тогда, когда в процессии участвовал покойный Зунгру-Лама. Калмыки высших духовных особ по имени не называют, а просто говорят Шаджин-Лама! Зунгру-лама жил в Дунду-хуруле Малодербетовского улуса. Ныне заведующий всем калмыцким духовенством Лама живет в Багацохуро-Муравьевском улусе, его имя Бэмбэ-лама. Он между кочевниками известен как хороший лекарь, на что имеет свидетельство из медицинского департамента.] и один из почетных багшей-старичков заняли места около двух столиков, поставленных на восточной линии четвероугольника. Один из багшей, прибывших на праздник, поместился около стола, занимающего особое место четвероугольника. Старшее духовенство стояло ближе к Ламе, а младшее – дальше по направлению к картине, гецули и манджики занимали последние ряды. Всего духовенства было до 300 человек! Все духовные лица одеты по-праздничному. Лама и богатые багши в халатах из малинового бархата, большинство гелюнгов и некоторые гецули в красных и желтых халатах из шелковой материи, меньшинство коленкоровых тех же цветов, на головах богатых гелюнгов надеты шапки из желтого сукна с небольшими тульями и широкими полями, подбитыми красной материей, а остальное духовенство в шапках с широким красным околышем из кумача с тулем желтого коленкора. Все отличалось изысканностью нарядов, которые зависят от состояния духовных особ. Музыканты стояли рядами позади почетных особ вне четвероугольника на восток.

Затем все духовенство, участвовавшее в процессии, сделало три земных поклона картине Майдари и расположилось шпалерами в несколько рядов на разостланных ширдыках, обнажив головы. Музыканты не сажались, они стояли тоже с обнаженными головами, исключая лиц, игравших на медных рожках (гандома), они на головах имели шапки из белой кошмы, со вшитыми посередине красным гребнем, нависшим наперед, похожие на шапку гепкей, они своего головного украшения не снимали. Моление состояло пения, чтения и музыки и продолжалось часа полтора. В антрактах молитв к Майдари о ниспослании благ живым существам Лама и Багша, перед которыми стояли блюда с пшеницею, то по несколько зерен бросали на все четыре стороны, то поливали аршаном зерна пшеницы, перемешивая их потом рукою, то кропили водою на запад, восток, юг и север. В некоторые моменты молитв все сидевшее духовенство вставало и делало три земных поклона изображению Майдари. Только в этот момент можно было отличить гелюнгов от гецулей. Первые, складывая ладони прилагая их ко лбу, обязаны держать между пальцами левой руки оконечность оркимджи, чего вторые не имеют. Бакша, занимающий место в середине около третьего столика, в продолжение всего моления тихо читал молитвы, занимаясь освящением аршана.

Довольно эффективная выходила картина, когда калмыцкое духовенство, одетое в лучшие наряды, разместилось и все приготовленное к богослужению приведено было в порядок. На западной стороне грандиозно возвышался щит с большою картиною Майдари, ниже его красовался жертвенный стол, накрытый простою парчевой материей, на уступах которого блестели отливные изображения бурханов, перед ними курились кюджи. На нижней ступени лежали номы, около которых стояли бумбы с аршаном, украшенный павлиньими перьями. По северной, южной и восточной сторонам плотными рядами в несколько прямых линий восседало духовенство, в большинстве рослое и дородное, с выбритыми догола головами, от чего уши казались несоразмерно великими. На востоке вне четвероугольника в несколько линий размещены были музыканты, купами, по роду инструментов. Позади их располагались четыре громаднейшие металлические трубы, именуемые укюр-бюря. Все музыканты играли стоя, самые большие трубы – укюр-бюря не были утверждены на землю, но по два манджика каждую из них держали на весу, а третий играл. Развешивающиеся по сторонам флаги (чимыки) выражали что-то торжественное! Простолюдины в праздничных нарядях с трех сторон (исключая западной, где стояла картина Майдари) во множестве окружали духовенство, молящееся перед ликом Майдари о ниспослании людям и всем живым существам благополучия!

В то время, когда в четвероугольнике совершалось моление, убаши и убасанцы в почтительном отдалении ходили вокруг четвероугольника, предводительствуя отдельными купами простолюдинов, которые в один голос распевали таинственные словами: «ом-мани-пад-ме-хом». Оттого совокупные голоса их не препятствовали слышать чтение и пение духовенства, прерываемое музыкою. По окончании служения раздался звук колокольчика, повелевавший вести себя скромнее, не разговаривать, и водворилась тишина. Один из более развитых бакшей говорил на простом калмыцком языке поучение о том, какую пользу доставил людям явление Майдари, причем между слушателями часто слышны были глубокие вздохи или же тихие возгласы: Йо-йоглаб! Или же Лама-гурбын-эрдэни! По окончании поучения народ подходил к сидящим около столов Ламе и Бакше под благословение (адис-абху), которое совершается через возложение правой руки на открытую голову подходящего, причем принявшие благословение полагали на блюдо с пшеницею мелкую серебряную или медную монету, смотря по состоянию. Богатые же клали и кредитные билеты разного достоинства.

По окончании всех этих церемоний духовная процессия при пении и звуках музыки тем же порядком возвратилась в хурульную кибитку, где бурханы и все прочее расставлено по своим местам, и после краткого молитвословия служба прекратилась. Духовенство начали угощать чиганом. Между тем как в хуруле происходило угощение и простолюдинов угощали чиганом или кирпичным вареным чаем, заготовленными в кадках под открытым небом. После чего все начали разъезжаться по своим хотонам. Часов в восемь вечера по закате солнца убрали картину Майдари, столы, флаги, ширдыки и все прочее. Гелюнги сказали, будто бы светских увеселений в этот праздник

буддийский устав не позволяет!

Небольшой праздник Усу-таяху (жертвоприношение воде) бывает в начале сентября (гаха-сара). В этот день происходит торжественное религиозное служение при воде, называемое Усун-аршан, после которого каждый добрый калмык приходит к освященному месту, делает три земных поклона, черпает воду пригоршней и вкушает ее. Это бывает что-то вроде водосвятия. По словам гелюнгов этот обряд совершается для того, чтобы осенью вода в худуках была пресная (амта), годная для людей и животных. Так как от жаров при скудности дождей она обыкновенно делается горько-соленой (гашун).

Есть другой подобный праздник Галл-таяху. Он бывает в начале октября (хулгуна-сара). Его можно назвать жертвоприношением солнцу. Калмыки почитают солнце и луну за особенные дары милосердия к людям богов. Солнце оплодотворяет и живит землю, оно источник всего, что нужно для благоденствия человека, потому и невозможно быть к нему неблагодарным. Но самое солнце очень далеко, видимый знак его на земле – огонь. А потому огню, как эмблеме солнца, калмыки приносят жертву. Для этого в кибитке главы семейства режут лучшего барана, собирают ближайших родственников, варят всего барана в котле. Когда мясо поспеет, помолившись, разделяют его на части, потом, обращаясь к бурханам, одну часть барана сжигают без остатка на том же костре, на котором варили мясо. Остальные части раздают членам семьи, из коих каждый свой первый кусок приносит в жертву бурханам, возлагая оный на чашечку, называемую деэджи, или деэдж-цокцо. Остатки съедают только родственники. Посторонним, хотя бы они были и однохотонцы, мясо от этого барана никогда не дают. К вечеру съедается и все, принесенное в жертву богам, только крошится на мелкие кусочки. Калмыки приносят означенные жертвы огню осенью, вероятно для того, чтобы теплота не оставляла их в продолжение наступающих зимних месяцев и сохраняла бы от гибели стада, составляющие их единственное благосостояние. Вот почему калмыки считают за большой грех лить воду в огонь, они думают, что это раздражает обе стихии! По этой причине и котел, в котором варят мясо или чай, никогда полно не наливают, а всегда оставляют порядочный запас для кипения! Напротив, остатки костей [Надобно заметить, что калмыки, приготовляя шулюм (суп), никогда не ломают костей убитых животных. Разделяя на части зарезанного барана или теленка, позвоночный столб и другие части их они разрезают по суставам с удивительной ловкостью ножом, имеющимся при поясе каждого калмыка. Кости же в кусках мяса, сваренного в котле, тем же ножом так хорошо очищают, что собакам остается довольствоваться положительно одними только костями, если только они мягкие и зубы животных могут раздробить их.], мясо и т.п. бросают иногда в огонь, как будто в пищу пламени.

Бывают иногда моления, торжественно совершаемые по случаю какого-нибудь

несчастья, например: во время губительных болезней, моровых язв и особенных народных бедствий. Эти моления калмыки называют Йэмэргюлькэ. При подобных случаях гелюнги выносят из хурула бурханов и с пением и музыкой обносят их вокруг ставки. Подобное богослужение можно совершать и в хотонах по просьбе калмыков, но за это нужно уже принять на себя все издержки по перевозу хурульной кибитки с ее принадлежностями и всего духовенства, сверх того каждому духовному лицу нужно сделать приличное вознаграждение.

Источник: Пармен Смирнов. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. 248 С.